

СПЕКТАКЛЬ, СОЗВУЧНЫЙ ВРЕМЕНИ

АЛЖИР! Сколько тревоги вызывает судьба этого маленького африканского государства, борьба его героического народа за свое освобождение от колониального ига. Десятки его славных сынов сложили свои головы в этой борьбе, а сотни их томятся во французских тюрьмах. Сейчас на улицах города Алжира льется кровь этого многострадального, но титанически стойкого народа. Советские люди с волнением следят за развивающимися событиями в Алжире. Но мало слышать и читать об алжирском народе. На днях мы получили возможность ближе познакомиться с этой героической страной, посмотрев спектакль Уйгурского драматического театра, который осуществил постановку «Алжир—родина моя», (инсценировка А. О. Глизбурга по роману молодого прогрессивного алжирского писателя Мухаммеда Дибба «Большой дом»).

Интерес к этому спектаклю был огромен. Спектакль «Алжир — родина моя» рассказывает о судьбах простых алжирских тружеников, живущих в грязных, тесных, темных, лишенных солнца и света трущобах Дар-Сбитара, о людях, которые, несмотря на тяжелое существование, находят еще в себе силы для борьбы, мечтают о лучшей жизни, о большом доме, где будет просторно, светло и радостно жить.

Вот эта основная идея и прозвучала со сцены Уйгурского театра в постановке режиссера театра С. Р. Башояна.

...Занимается новый трудовой день. Выходят на воздух из жалких убежищ обитатели Дар-Сбитара, и с первых же минут начинаются скандалы, шум, кричат дети и устраивают потасовки из-за куска хлеба. С этого и начинается спектакль «Алжир—родина моя». Теснота, грязь, голод, вечные скандалы — все это угнетает героиню спектакля — Айни. Тяжело женщине, на руках которой, прикованная к постели, старая мать Биби, дочь Марьям и сын Умар. Го-

лод и нищета доводят Айни до истощения. Именно отсутствие куска хлеба лишают ее человеческих, родственных чувств: она выбрасывает из своей лачуги на улицу мать. Исполнительница роли Айни народная артистка республики М. Семятова довольно точно, последовательно развивает этот образ, который от действия к действию достигает все большего, психологически сильного звучания. Наивысшего накала достигает образ Айни-Семятовой во втором действии. Распростертая на земле, с распущенными волосами, опухшим от слез лицом, Айни оплакивает дочь Марьям, которую арестовала французская полиция. Когда до ее слуха доносится крик Умара: «Марьям идет!», то на миг глаза Айни оживают и она стремительно идет к воротам. Но при виде растрепанной, избитой Марьям Айни медленно отступает. Внутренним, женским чутьем она определяет, что над дочерью надругались.

После этого трагического события Айни-Семятова совершенно замывается в себя. Но и молчание ее говорит о ее душевном состоянии, о рождении в ней новой женщины с новыми взглядами. Это уже не та Айни, которую мы видели в первой картине спектакля. В третьем действии она уже сочувственно смотрит на окружающих ее таких же людей как она сама и в ее голосе появляются нотки протеста против этой несправедливой жизни.

Когда Хасни, сестра Биби, замечает, что Айни очень изменилась, то Айни в глубокой задумчивости говорит: «Да, я изменилась, я очень изменилась и многое поняла». Когда рабочий комитет присылает Айни продукты, то эта женщина, которая раньше не отдавала бы даже крошки хлеба, вдруг делит продукты между соседями и говорит: «Верите, ешьте.

Мы должны помогать друг другу, заботиться как о себе, так и о других». Здесь уже новая Айни.

Это по ее инициативе обитатели Дар-Сбитара прогоняют полицейских, это по ее инициативе избивают хозяйку трущобы Беке.

Так перерождается женщина Алжира.

Образ Айни, созданный М. Семятовой—это большая творческая удача как актрисы, так и театра.

Другим наиболее ярким образом в спектакле получился образ Марьям (арт. З. Акбаровна).

Особенно сильно проводит З. Акбаровна сцену безумия Марьям.

Не может удовлетворить зрителя игра артиста А. Ахмади (Сирадж). Сирадж — революционер, патриот своей родины, носитель идеи романа Мухаммеда Дибба, рупор автора. В первой картине, когда Сирадж в окружении детей говорит о будущем своей родины, мы верим ему; в другой сцене, там, где он разговаривает со взрослыми обитателями трущобы, игра его становится риторичной, без внутреннего убеждения, без души. Мелодраматична его игра в финале, когда по ходу спектакля Сирадж призывает народ к борьбе. Эта паничная сцена получилась малоубедительной, риторичной. Актрису А. Ахмади следует еще внимательно проанализировать образ, донести его до полного звучания в спектакле.

Немалое место отведено в спектакле и Умару, этому алжирскому Гарошу. Но артистка Г. Селимова, исполняющая роль Умара, все же не смогла донести до зрителя образ задорного, жизнерадостного, бунтующего алжирского мальчишки.

Нельзя не отметить игру Т. Бактибаева, играющего яппицу Мухамета, который в конце пьесы находит себе место в жизни.

В заключение хочется сказать о режиссерской работе спектакля. Бесспорно актерские удачи М. Семятовой, З. Акбаровны, Т. Бактибаева, это прежде всего удачи и режиссера С. Р. Башояна. В спектакле немало замечательно решенных мизансцен, скульптурных построений фигур. Большой режиссерской находкой является использование логических пауз, особенно во второй картине второго действия, когда люди, вышедшие встречать Марьям, молча пытаются назад во двор, разделяясь на две группы и образуя широкий проход для обезумевшей Марьям. Стоит напряженная тишина, которая проникает и в зрительный зал. Удивительная сцена!

Но несмотря на все эти удачи режиссера С. Р. Башояна, сомнение вызывает финал спектакля.

На фоне алжирского национального гимна Сирадж призывает жителей трущоб на борьбу, но она кончается в пределах этого двора. А на улице в это время бастует народ.

Поэтому хотелось бы, чтобы спектакль кончался оптимистически и политически заостренно, возмущение жителей Дар-Сбитара должно слиться с бастующей массой.

Мы надеемся, что режиссер и коллектив театра устроят эти недостатки. Выбор темы и большие актерские удачи говорят о том, что театр творчески растет, улучшает свой репертуар, ищет тематику, созвучную нашему времени.

А. КАДЫРОВ.